

3838312

ТУРКМЕНОВЕДЕНИЕ

(TURKMENISTAN' ÖVRENİŞ)

ЕЖЕМЕСЯЧНИК ИНСТИТУТА ТУРКМЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

№ 3-4 (7-8)

Март-Апрель 1928

(год издания второй)

Заметки о туркменском духовенстве.

С э в.

Прошедшие три года существования Туркменской республики характеризуются все усиливающейся ломкой старого туркменского быта, резко столкнувшегося с новыми задачами, задачами приобщения туркменского народа к строительству социализма.

В 1925-26 году земельно-водной реформой мы уничтожили остатки экономических устоев патриархально-родового быта и открыли этим серию последовательных ударов по всему старому и косному, по всему мешающему строительству новой жизни. Решительная борьба с родовой рознью, декреты, освобождающие женщину, уничтожение влияния вождей—феодалов в Ташаузском округе,—все это разлагало и разлагает старый быт. Но борьба эта далеко не закончена, наши законодательные мероприятия еще не проникли в аул с той полнотой, которая одна только может обеспечить победу. Все силы старого, все слои населения, связанные с этим старым, поднялись против нас в этой борьбе.

Конечная победа за нами, ибо в наших руках такое мощное орудие, как диктатура пролетариата, и с нами история, требующая уничтожения мертвого груза веков. Чем лучше мы будем знать врага, чем яснее для нас будет—в чем его сила и слабость, тем ближе к победе.

Тот старо-туркменский быт, с которым мы боремся, представляет собой сложное, малоизученное явление. Он складывался веками, имеет с собой солидную историю, пропитан целым рядом разнородных влияний. Каждое из этих влияний внесло свою струю, создало свои своеобразные формы бытовых устоев и заслуживает полного внимания.

Та „самобытность“, которую так любят прославлять националистически настроенные интеллигенты народнического типа, настолько видоизменилась и деформировалась, что некоторые из последующих бытовых наслоений приобрели достаточно важное, актуальное значение. Одним из таких наслоений безусловно следует считать ислам—мусульманскую религию. Струя мусульманских религиозных влияний, встретив своеобразные бытовые формы, конечно, не могла их ликвидировать, она их лишь видоизменила и пропитала религиозным духом. Отсюда и та, совершенно своеобразная роль, которую играет мусульманское духовенство в туркменском ауле.

Ислам в Туркмении не уничтожил патриархально-родового быта, не очистил его полностью от так называемой „самобытности“, но внес новую струю и вырастил новую силу, отстаивающую бытовые устои—мусульманское духовенство.

Мусульманское влияние в процессе истории слабело и усиливалось. В момент своего проникновения в Туркмению, ислам встретил еще совершенно крепкий патриархально-родовой строй, предопределявший соответствующий бытовой уклад.

Туркмены — кочевники скотоводы, распадавшиеся на целый ряд крепких родовых единиц, всей структурой своей жизни противостояли мусульманскому влиянию. Постоянно враждовавшие с соседними племенами народами, они были оторваны от мусульманских духовных центров Ср. Азии: Бухары, Самарканда и Хивы и представляли собой весьма неблагоприятный материал для религиозного воздействия. Мусульманский правовой кодекс — шариат, построенный на принципе частной собственности и личной ответственности за правонарушения, противоречил всему укладу жизни туркменского народа.

Адат (обычное право) имел перед ним бесспорное и решающее преимущество — он соответствовал экономическим отношениям. Но духовенство, как носитель мусульманской религии, нашло выход из положения, оно приспособилось к бытовому укладу туркмен и медленно, но верно укрепляло на этой основе свои позиции, подтачивая устой „самобытности“, прививая новые понятия, вытесняя наименее устойчивые, отмиравшие обычаи. Русское завоевание внесло резкое внимание в существовавшее соотношение сил. С приходом русских, с внедрением в страну капитала, появлением городов и т. д., началось быстрое разложение патриархально-родовой экономики, гигантски возросли стимулы, способствующие возникновению частной собственности и выделению личности из состава родового целого. Вместе с тем ослабили позиции „самобытности“, адата, патриархально-родового быта, укрепились позиции мусульманского духовенства и шариат получил более широкую почву для распространения. Религиозное влияние духовенства усилилось. Этому процессу царские чиновники противопоставили совершенно безнадёжную попытку затормозить рост влияния мусульманской религии искусственным сохранением „самобытности“.

Когда в конце 90 г. г. центральные петербургские власти, интересовавшиеся только вопросами „укрепления власти“, внедрением основ царской „законности“, захотели изменить эту систему консервации патриархально-родовых обычаев, изменив, в первую очередь, порядок судопроизводства и ликвидировав народные суды, действовавшие на основе норм адата, нач-к Закаспийской области писал в Петербург: „такие воззрения нельзя игнорировать, так как народ, не получивший удовлетворения в своих заветных стремлениях, пожалуй станет искать опоры в религии. Таким образом незаметно может создаться и крепнуть религиозный фанатизм, до сих пор населению области чуждый. Ломка народного духа не может совершиться без наказания“ (обзор Зак. обл. 1899 г. стр. 30³).

Центральное петербургское правительство вообще не понимало сложных проблем, возникавших на окраинах. Окраинные чиновники чувствовали глубину этих проблем на своих плечах. Все генерал-губернаторы Закаспийской области прекрасно видели, как разлагается „народный дух“ и на его место выдвигаются новые силы. Всеми средствами они стремились этот „дух“ сохранить и сделать его основой своего спокойного существования. В качестве практических мероприятий полицейский режим, конечно, не мог выдумать чего-нибудь более цельного, целесообразного и действительного, чем ублюдочные народные суды во главе с полицейскими чиновниками, решающие дела по адату, и административное запрещение въезда духовных лиц из Бухары и Хивы в Закаспийскую область. Эти полицейские мероприятия были обречены на неудачу, потому, что против них был рост новых экономических сил, вызванных к жизни

русским капитализмом, и против них была вся царская политика в Бухаре и Хиве, где духовенство все время росло, оформлялось и укреплялось. Близорукость царских чиновников, целиком отражавшая классовую установку правительства, ясна. Представители полицейского и капиталистического режима не могли действовать иначе. В их интересах того и в интересах класса, который они представляли, было сколько возможно сохранять народ в темноте и невежестве, а действительно бороться с мусульманским влиянием можно было только путем рассеивания этой темноты и невежества и распространения знаний. Особенно ярко это видно на примере проблемы народного просвещения и здравоохранения в Туркмении. Конфессиональная школа в царское время была единственным местом, где можно было обучаться грамоте. Ей не могли противостоять несколько русско-туземных школ колонизаторского типа, созданных царским правительством и чуждых народу. Незаинтересованность царского правительства в распространении народного просвещения в ауле, постоянное желание, в целях самосохранения, оставить народные массы в темноте и невежестве, давало духовенству огромный козырь в руки и приводило к непрерывному росту конфессиональной школы, а следовательно — и влияния ислама. Так, в 1899 году, по данным, конечно, далеко не полным, в пределах бывших Ашхабадского и Мервского округов существовало 184 мектеба с 2.237 учащимися и 31 медресе, точная цифра учащихся в которых достигала 1.000 чел. Если взять б. Ашхабадский уезд, представляющий собой район, больше всего подвергшийся воздействию царской политики, мы увидим следующее: до прихода русских здесь существовало 5 медресе в аулах Аннау, Кеши, Багир, Эррик-Кала и Дурун; за время существования царской власти до 1910 года количество этих медресе увеличилось вдвое. (Михайлов „Религиозные воззрения туркмен Закаспийской области“).

Отсутствие какой-бы то ни было заинтересованности в распространении народного здравия приводило к тем-же результатам и усиливало позиции духовенства, этого единственного „целителя“ всех болезней.

Политика колонизаторов, полицейских чиновников, видевших в народе только источник для извлечения новых прибылей, не могла не быть близорукой.

Влияние ислама, влияние мусульманского духовенства оформилось, укрепилось и возросло. Так обстояло дело в б. Закаспийской области, где чиновники царя правил непосредственно. Не приходится говорить о том, что еще благоприятней сложились дела мусульманского духовенства в Чарджуйском, Керкинском и Ташаузском округах, входивших в состав Бухары и Хивы. Здесь царское правительство прямо опрокинуло ту преграду, которая до того времени мешала религиозному воздействию на туркмен. Оно решительно, силой штыка, подчинило туркмен Бухарскому эмиру и Хивинскому хану и вовлекло их в орбиту действия духовных центров мусульманской религии.

Отсюда тот факт, с которым до сих приходится считаться, факт усиленного и более резко оформленного влияния духовенства в этих округах, где укрепились такие формы влияния мус. духовенства, которые не сумели вырасти в Закаспийской области.

Революция оборвала этот процесс роста влияния духовенства. Она потрясла до основания весь фундамент старой общественности и в том числе мусульманскую религию. Революция подорвала и

обезкровила старые духовные религиозные центры и внесла разброд в мусульманскую религию.

Но влияние, имевшее место в течение веков, не исчезло, ибо оно может быть уничтожено только системой комбинированных мероприятий в процессе экономического и культурного роста страны.

В Туркмении у многих, на основе целого ряда печатных источников, под впечатлением крайне поверхностных наблюдений и народнической идеализации „самобытных“ устоев, сложилась точка зрения об отсутствии у туркмен религиозного фанатизма, которая, несмотря на целый ряд безусловно правильных положений, на деле умаляет роль и значение духовенства в ауле и приводит к непониманию источников его влияния.

Эта точка зрения страдает тем недостатком, что она уже неоднократно высказывалась царскими чиновниками, совершенно не понимавшими окружающей их действительности.

Чтобы бороться с духовенством, чтобы лишить значения этот важный элемент старого, нужно знать — конкретные формы его воздействия на население и источники его влияния.

Туркмены и мусульманская религия.

Анализируя основные религиозные установления мусульманской религии, мы видим, что важнейшие из них сводятся к следующим обрядам:

- 1) очищение (омовение),
- 2) ежедневная пятикратная молитва,
- 3) зякет (милостыня, фактически принудительная, собираемая духовенством, а в мусульманских странах — правительственными чиновниками),
- 4) пост,
- 5) паломничество в Мекку.

Степень их распространения и применения несомненно показывает, насколько крепки основы чистой религии, подлинного религиозного духа, однако не решает главного для нас вопроса о роли духовенства. Эта роль определяется не только распространением обрядовой стороны религии, но зиждется на других, более существенных сторонах народного быта. Туркменами указанные выше религиозные установления выполняются далеко не всегда и приобретают довольно своеобразные формы.

Если мечеть, почти у всех мусульманских народов, не является единственным местом для совершения молитвы, то в определенных районах Туркмении она не играет почти никакой роли. Поскольку туркменский аул представляет собой и по сие время только застывшее кочевье, здесь вообще не может быть пышных мечетей, специально предназначенных для молитвы. Лишь изредка встречаются особые постройки под мечети в виде отдельного крупного дома в одну залу (расположены они большей частью в тех округах, которые подверглись усиленному мусульманизирующему влиянию эмирской Бухары), в большинстве же аулов под мечеть отводится обычная кибитка, а иногда — даже простой циночный шалаш. У кочевников-скотоводов мечетей нет вовсе и местом молитвы у них обыкновенно служит небольшая площадка, окопанная со всех сторон неглубокой канавой. Вообще же туркмены предпочитают совершать молитву в одиночестве: в своей кибитке, в поле и т. д. и в мечети сплошь и

рядом, несмотря на энергичные призывы муллы, никто не собирается. Этот факт имеет немаловажное значение. Мечеть представляет собой, как и всякий молитвенный дом, центр религиозного влияния. Отсюда легче всего заражать религиозным дурманом массы населения. Здесь обычно сосредотачивается вся религиозная пропаганда и агитация. Незначительность роли мечети в туркменском ауле является поэтому прямым отражением слабого удельного веса религии и причиной, тормозящей ее развитие и распространение. Зякет на территории Туркменской республики собирается более или менее регулярно только в Керкинском, Чарджуйском и Тапшаузском округах, где влияние духовенства, в силу уже указанных выше исторических причин, более сильно. Ушюр или $\frac{1}{10}$ часть урожая в пользу духовенства фактически попадает в руки только тех духовных лиц, которые наиболее влиятельны и силой своего авторитета имеют возможность принудить дехканство к выполнению этой обязанности. Паломничество в Мекку туркмен почти совершенно не привлекает и туркмены-паломники насчитываются только единицами. Если в 1893 году по данным царского правительства в Мекку из бывш. Туркменской области выехало 9 чел., то в настоящее время паломничество либо вовсе не отмечается, либо существует еще в меньших размерах. Даже в тех округах, где влияние духовенства более велико, паломники составляют довольно редкое влияние.

На ряду с этим пассивным отношением к обрядовой стороне религии, у туркмен сохранился целый ряд религиозных верований, либо не имеющих ничего общего с мусульманской религией, либо представляющих собой искажение мусульманской религии. Туркмены, например, верят, что каждый промысел имеет своего духа-покровителя, имя которого приурочивается к именам, заимствованным из сказаний мусульманской религии. От этих духов-покровителей, по верованиям туркмен, зависит состояние хозяйства, урожай, приплод скота, его болезни, рождение породистых жеребят и т. д., поэтому почти каждый скотовод ежегодно режет баранов в жертву духу-покровителю, в благодарность за благополучный приплод или для того, чтобы умиловить покровителя в случае падежа скота и неудачи. Обычай этот соблюдается не менее, а иногда и более строго, чем дача зякета. Одним из наиболее соблюдаемых обычаев является у туркмен заклятие барана и устройство общественного угощения на третий, седьмой и сороковой день и каждый год после смерти близкого родственника и при рождении ребенка мужского пола. Этот обычай также не имеет ничего общего с официальной мусульманской религией. Не менее характерны также обряды, связанные с покоем огня, заключающиеся в раскладывании костра и перепрыгивании через него.

Нормы мусульманского правового кодекса—шариата также не проникли еще в аул целиком и полностью, однако факт вытеснения обычного права (адата) представляется совершенно несомненным. Правовые нормы шариата, отражавшие общественное устройство народа, уже изжившего в значительной степени патриархально-родовой строй и перешедшего к товарному хозяйству, столкнулись при своем проникновении в Туркменистан с обычным правом туркмен, так наз. адатом, выросшим на почве патриархально-родового строя и предназначенным для регулирования общественных отношений родового общества.

Если взять основные формы правонарушений, встречающихся в ауле, и посмотреть, как они рассматриваются шариатом и адатом, мы видим следующее: за убийство шариат допускает месть только по отношению к лицу, его совершившему, в каждом отдельном случае с санкции муфтия, т. е. высшего духовного лица в районе, округе или стране. Шариат совершенно не предусматривает мести по отношению к родственникам и не возлагает на них никакой ответственности. Это положение вполне соответствует такому общественному устройству, когда на лицо существование самостоятельных хозяйств и когда отдельная личность уже успела эмансипироваться от общества. Положение обычного права туркмен в этом отношении прямо противоположно. Адат знает 4 вида убийства: а) убийство с заранее обдуманном намерением из огнестрельного оружия, б) убийство, произведенное огнестрельным оружием, по нечаянности, без заранее обдуманного намерения, в) убийство, произведенное холодным оружием, г) убийство, происшедшее от падения человека сверху вниз, причем падающий убивает собой другого, попавшего под него, д) убийство от оружия, поставленного для ловли зверей или же смерти, происшедшая от попадания человека в колодезь, принадлежащий постороннему лицу. За преступление, указанное в пункте, а родственники пострадавшего имеют право убить виновного или из ближайших его родственников. Во всех остальных случаях отвечает не виновный, а весь род в целом, к которому виновный принадлежит. Всегда кровомщение может быть заменено уплатой выкупа в виде определенной денежной суммы или скота. Такие меры социальной защиты (ответственность, возлагаемая не на личность, а на весь род, к которому данная личность принадлежит) характерны для родового общества, где отдельное хозяйство поглощено родовым хозяйством, а отдельная личность растворяется в роде. За грех сородичей, в противоположность шариату, отвечает весь род в целом и нет никакой нужды обращаться за санкцией к духовному лицу.

Кража и грабеж рассматриваются шариатом, как одни из наиболее тяжких преступлений. За большую или меньшую кражу, за грабеж любого характера полагается на первый раз отсечение руки, на второй — смертная казнь. Такие суровые наказания по указанным преступлениям опять-таки характерны для товарного хозяйства, общества с развитой торговлей, базирующегося на принципе частной собственности. Обычное право туркмен относится к этим преступлениям гораздо мягче. Воровство не карается вовсе, потерпевший заинтересован только в том, чтобы получить обратно похищенное и, получив его обратно, вовсе не претендует на наказание виновного. Дело всегда заканчивается миром.

Грабеж по адату бывает двух родов: во-первых, организованный грабеж (аламан) другого народа, племени или рода и во вторых, ограбление сородичей. В первом случае грабеж рассматривается либо как вполне почетное занятие, либо как занятие дозволенное, за которое, конечно, не полагается никакого наказания. Во втором случае — грабеж считается недопустимым и влечет за собой суровую кару. По шариату всевозможные увечья и вред, нанесенные другому, караются только в отношении лица, непосредственно совершившего преступление. По адату за увечье отвечает весь род совершившего преступление, вынужденный уплатить соответствующий выкуп.

Условия брака, предусматриваемые шариатом и обычным правом туркмен, также различны. По шариату выдать замуж женщину

без ее согласия могут только отец и мать, причем брак становится действительным только после того, как женщина, сделавшись совершеннолетней, подтверждает его своим согласием. Выходящая замуж девушка, по шариату, уплачиваемым за нее калымом распоряжается по собственному усмотрению и является полным его хозяином. Обычное право ставит женщину в худшие условия. Она может быть продана без всякого согласия и полученным за нее калымом совершенно не пользуется. В брачной жизни адат ставит женщину также в худшие условия, чем мусульманское право. Если по шариату муж может наказывать жену побоями только в случаях доказанной измены, самовольной отлучки от дому, кражи, отказа от супружеских отношений, то по адату—простой каприз мужа и намек на непослушание жены могут быть вполне законной причиной для побоев и истязаний.

Различие между шариатом и адатом, таким образом, очевидно. На целом ряде примеров мы можем теперь увидеть, насколько нормы обычного права, этого воплощения пресловутой „самобытности“, видоизменились и приблизились к установлениям шариата.

Кровная месть уже не охватывает такого большого круга людей, какой предусматривает обычное право. Все чаще ответственность ограничивается только ближайшими родственниками. На воровство уже не смотрят так легко и просто, как в прежние времена и оно влечет за собой суровые наказания. Дозволенность организованного грабежа также в значительной степени отошла в область предания и т. д.

„Самобытность“ треснула по всем швам. Новые веяния, возникшие в процессе быстрого разложения остатков патриархально-родовых отношений, все быстрее и быстрее стирают „самобытные“ краски далекого прошлого. Мусульманский правовой кодекс—шариат, имеющий в ауле такое сильное представительство, как туркменское духовенство, становится при таких условиях более понятным и доступным массам. Только у илленная советизация аула и расширение сети советских судов может пресечь этот процесс. Мы видим таким образом, что несмотря на известный религиозный индифферентизм, несмотря на остатки старых до—мусульманских верований и патриархально-родовых обычаев, туркменское духовенство в самом процессе разложения патриархально-родового быта находит внутренние силы для укрепления своего влияния. Однако, не это является решающим. Источники влияния и силы духовенства, как мы увидим ниже, коренятся в других сторонах народной жизни.

Служебные и идеологические прослойки среди туркменского духовенства.

Наличие у туркмен определенного религиозного индифферентизма и слабость распространения основ „чистой“ мусульманской религии очень ярко отразились также на незначительной дифференцированности туркменского духовенства и отсутствии какой бы то ни было духовной организации. В Узбекистане и других мусульманских странах духовенство, по характеру выполняемых им функций, делится на три более или менее оформленные группы: 1) мечетное духовенство, 2) духовенство просвещенское и 3) духовенство судейское (казии). Каждая из этих групп выполняет только строго определенные функции и имам мечети никогда не берется за несвойственное ему дело судьи-казия, для которого требуется специальное образование.

Совсем иначе обстоит дело в Туркменистане, где таких строго оформленных групп не имеется. Дифференциация функций отдельных духовных лиц здесь не могла достигнуть такой резкости, благодаря недостаточному развитию религиозной жизни и первобытности религиозных отпавлений туркменского народа. Помимо этого, дифференциации отдельных функций мешают особые экономические условия существования туркменского духовенства. В то время как в других районах Средней Азии основой благосостояния мечетного духовенства являются вакуфы и лишь отчасти приношения верующих за исполнение религиозных треб, у нас в Туркменистане положение совершенно иное. Вакуфные имущества в более или менее широких размерах существуют только в Чарджуйском, Керкинском и Ташаузском округах и почти совершенно отсутствуют в пределах бывш. Закаспийской области. Таким образом, такая отрасль религиозной деятельности, как обслуживание мечетей, чрезвычайно мало доходна, не может служить источником существования и вызывает необходимость в занятии другими сторонами религиозного культа.

Духовное лицо в Туркмении обычно, поэтому, совмещает обслуживание мечети с руководством конфессиональной школой и разрешением спорных вопросов, подлежащих в других мусульманских странах ведению казийского суда. Типичной категорией мечетского духовенства в Туркменистане, не выполняющей никаких других функций, являются только кары чтецы корана. Муедзины, лица призывающие к молитве, попадают только в виде исключения, да и то лишь в тех округах, которые подверглись религиозному влиянию Бухары или Хивы. Судейская деятельность, разрешение всякого рода спорных вопросов и разбор различных правонарушений происходит в Туркмении не в порядке какого нибудь специального разбирательства особыми лицами (казиями), а отдельными ишанами и ахунами или группой последних, если вопрос сложен (примирение сторон, между которыми существовала кровавая вражда и т. п.).

Специальный казийский суд до революции получил некоторое распространение только в округах, входивших в состав Бухары и был окончательно уничтожен в процессе советского строительства. Быстрое исчезновение казийского суда в Ташаузском, Керкинском и Чарджуйском округах, происшедшее без всяких репрессивных мер с нашей стороны, показывает, что суд казиев, несмотря на Бухарское и Хивинское влияние, очень слабо внедрился в сознание масс. Сейчас, в отношении судебного разбирательства по шариату, фактически существует однообразное положение во всей республике, охарактеризованное нами выше и в бывшей Закаспийской области существовавшее до революции.

Смещение мечетских, просвещенских и судейских функций духовенства в Туркменистане, заставляет отказаться от попытки разделить духовенство по его служебному положению. Значительно более реальным и показательным является распад туркменского духовенства на две основных группы: 1) духовенство, представляющее ортодоксальный ислам и 2) ишанов, представителей особого культа, слившегося с мусульманством. Каждая из этих групп в свою очередь распадается на две подгруппы. Ортодоксальное духовенство различается по степени образованности (муллы и ахуны), ишаны бывают наследственные и получившие свое название при жизни. Первыми туркмены обыкновенно называют всех грамотных людей, окончивших нисшую школу—mekteb, при чем многие из них фактически не яв-

ляются служащими культа и представляют собой обыкновенных грамотных дехкан. Звание ахуна в Туркмении носит всякий, получивший высшее образование в медресе, при чем безразлично—в Бухаре, Хиве или у себя на родине. Как правило, туркменское духовенство, благодаря своей оторванности от крупных религиозных центров не квалифицировано и многие из туркменских ахунов не могли бы являться мударисами (руководителями медресе) в других странах, более охваченных религиозным влиянием.

Ишанизм и ишаны представляют собой совершенно особое явление, связанное с доисламским периодом и известным искажением ортодоксального ислама. В основу ишанизма легли доисламские верования народа, обоготворяющие природу (пантеизм), являющиеся до сих пор составной частью ишанизма, или суфизма. Однако, с течением времени к пантеизму прибавились два таких элемента, как аскетизм и мистицизм не имеющие широкой народной базы и превратившие ишанизм в обстоятельную и недоступную для народа, детально разработанную философскую систему, во многом совпадающую с положениями Корана, но еще более искажающую эти положения. Различие между ортодоксальным исламом и ишанизмом не помешало однако этим двум разнородным учениям в представлении масс слиться и совпасть. Только наиболее развитые и образованные ахуны и ишаны понимают пропасть, которая отделяет ишанизм от ортодоксального ислама. Сущность ишанизма, как философского учения, сводится к тому, чтобы „путем уничтожения своих материальных потребностей достигнуть совершенства и слиться с божеством“, для этой цели желающий сделаться ишаном, проходит целый ряд ступеней обучения, каждая из которых представляет собой ступень к достижению совершенства.

Не приходится говорить о том, что не эта сложная философия привлекает к себе внимание масс. Гораздо основательнее действуют пантеистические стороны ишанизма: „понимание“ ишанами процессов, происходящих в природе, знание языка зверей и птиц, „понимание“ того, чего желает и хочет добиться человек. Туркмены верят, что в своем учении ишаны находят такую силу, которая ничего не позволяет от них скрыть. В этом именно причины того, несомненно, серьезного влияния, каким ишаны пользуются в ауле.

В период своего возникновения, ишанизм распался на целый ряд орденов, которые по типу чрезвычайно напоминали христианские монастыри средних веков. Каждый из орденов имел специальный документ, в котором в хронологическом порядке были вписаны все настоятели ордена. Все лица, желающие достигнуть совершенства и звания ишана, духовные ученики—мюриды постоянно находились при настоятеле ордена и жили в специально предназначенных общениях. Каждый глава ордена (пир, ишан) имел несколько помощников (хальфа).

История ишанизма в Средней Азии, вообще, это процесс постепенного распада и разложения этих средневековых орденов, как в силу падения мусульманской науки и образованности, так и в силу внутренних склок между настоятелями различных орденов и борьба за верховодство в том или ином ордене. Эти процессы в идеологической области непосредственно вытекали и зависели от изменений в экономической базе, развивавшейся от феодализма к капитализму, способствовавших разложению всех феодальных форм жизни вообще. В результате, в настоящее время ордена, как таковые, со всей своей

внутренней структурой фактически не сохранились и остались только отдельные лица, заявляющие о своей принадлежности к ранее строго оформленным орденам „накшбенди“, „кадыри“ и „каляндари“. Туркменские ишаны, особенно в пределах бывш. Закаспийской области, обычно не причисляют себя вовсе ни к каким орденам и только в Чарджуйском, Керкинском и Ташаузском округах попадаются лица, заявляющие о своей принадлежности к тому или иному ордену.

В Туркменистане совершенно нет постоянных мюридов, живущих во время прохождения курса совершенствования при ишанах, под их непосредственным надзором и духовным воздействием. Если такие лица и встречаются, то только в виде исключения, при чем они работают у ишана обычно в качестве батраков. Гораздо значительнее та группа мюридов, которая находится как бы в постоянном отпуску или же изредка приезжает к ишану для приношения подарков и получения благословения.

Вообще мюридизм, как таковой, в Туркменистане распространен слабо. У наиболее крупных ишанов мюриды насчитываются только десятками, а у менее влиятельных—единицами. Туркменский ишан, занятый в ауле выполнением целого ряда разнообразных функций, являющихся базой его экономического благосостояния, мало заботится о вербовке новых мюридов и редко выезжает из аула вообще.

Деление ишанов на наследственных и получивших свое звание при жизни, в глазах народа имеет значение только постольку, поскольку наследственные ишаны, вернее сыновья ишанов, прошедших соответствующий курс, часто не имеют никакого образования, из чем не отличаются от неграмотной аульной массы и поэтому не могут, конечно, руководить мечетью и конфессиональной школой. Таким образом, понятие наследственного ишана в Туркмении искажено. Если в других мусульманских странах наследственным ишаном является сын ишана, сделавший это занятие своей профессией и прошедший соответствующий курс, то у нас всякий сын ишана, даже не получивший никакого образования, называет себя и считается в общности ишаном. Однако, в глазах народа значение таких псевдо-ишанов мало умалывается, так как существует вера в их святость и знание жизни, независимо от образованности.

Другое своеобразное явление в туркменском ишанизме—это наличие так называемых эвлядских племен (сеид, ших, махтум, ата), в которых каждый считает себя ишаном. Конечно, это явление ничего общего с подлинным ишанизмом не имеет и свидетельствует лишь о том, насколько слабо разбираются массы в сущности ишанизма. Очевидно, арабское происхождение указанных племен и понятие об ишане, как о святом, сделало эвлядские, т. е. священные племена, одновременно, племенами ишанскими. Хотя наличие представителей этих племен в том или ином ауле считалось раньше и считается сейчас для аула почетом, однако, условия экономического развития последнего времени, рост населения и недостаток орошаемой площади, создают для представителей этих племен в аулах—сплошь и рядом положение угнетаемого национального меньшинства. Во время земельно-водной реформы антагонизм в ауле, между этими племенами и коренным населением — постоянно достигал серьезной остроты. Обычно эти ишаны из эвлядских племен, ничем не отличаются от остального населения, не выполняя никаких религиозных функций и занимаясь скотоводством и земледелием. Изредка, эвлядские племена

являются хранителями и надсмотрщиками святых мест, где покоится прах тех или иных почитаемых людей. (Чарджуйский, Керкинский и Тапшаузский округа). Ишаны, получившие хотя какое бы то ни было образование, по характеру большинства выполняемых ими функций, ничем не отличаются от ортодоксального духовенства. Они, как и муллы и ахуны, являются руководителями мечетей, медресе, мектеб, разрешают спорные вопросы и т. д. и т. д. В глазах населения они также ничем не отличаются от ортодоксального духовенства, но чрезвычайно характерно то, что они пользуются большим уважением. Это еще и еще раз подчеркивает, насколько слабо проникли в аулы основы „чистого“ ислама и насколько религиозные верования народа отличаются от мусульманских догм.

Роль духовенства и влияние на жизнь аула.

При несомненной религиозной пассивности туркменского народа и неорганизованности духовенства, его влияние в ауле однако, очень значительно. Причины этого, прежде всего в необычайной культурной стесненности и почти поголовной неграмотности туркменского народа. Представители религиозного культа, сплошь и рядом являются единственными в ауле грамотными людьми, к которым уже в силу одного этого обращаются за целым рядом советов даже не связанных с религией. Мулла, ахун и особенно ишан, для большинства аулов, особенно в тех районах, куда слабо проникло советское влияние, являются врачами, агрономами, учителями, руководителями просвещения и судьями, разрешающими все спорные вопросы. Если в семье ктонибудь заболевает, будь это сам глава семьи—женщина или ребенок, за средствами лечения обращаются к ишанам. Последним „известны“ талисманы от головной боли, угнетенного состояния, плача, бесплодия, детских болезней, астмы, болезней глаз, болезней и падежа скота, сифилиса и т. д. Раздача таких талисманов производится ишанами изо дня в день и население пока еще твердо верит в их целительное свойство. Условия жизни в ауле и высокий % всевозможных болезней, особенно женских и детских, естественно превращает представителей религиозного культа в людей крайне необходимых и авторитетных.

Царское правительство, совершенно не заботившееся о постановке здравоохранения в ауле, несколько в этом отношении не изменило того положения, которое существовало до прихода русских и характеризовалось тем, что дело здравоохранения находилось целиком и полностью в руках духовенства, что в большинстве случаев и благодаря полному невежеству последнего, вело не к охране здоровья, а к распространению болезней.

Наша политика по внедрению подлинного здравоохранения в аул, хотя и изменила существенным образом картину, но оставила еще для духовенства значительное поле деятельности. В лучшем случае, в наиболее советизированных районах, мы имеем районных врачей, при чем эти последние не всегда соответствуют своему назначению, как по квалификация, так и по отношению к работе. В условиях постоянной агитации духовенства против советского врача малейшая его оплошность, грубое отношение и невнимание к дехкану ведут к дискредитированию всего районного лечебного пункта и отталкивают от него население. В ауле, по-прежнему, пока еще в большинстве случаев, дехканство обращается к ишану, хотя нельзя

не заметить, в этом отношении, и определенного сдвига, проявляющегося особенно ярко в тех случаях, когда способы лечения, применяемые ишаном, не достигают своей цели. В процессе сов. строительства появилась тяга к подлинному врачу, настоящему лечению болезней, особенно там, где районный врач работает успешно и добросовестно. Однако и сейчас и в районах отсталых и слабо советизированных (Ташауз, Керки, Чарджуй, Атрек) и среди скотоводческого населения ишан, как целитель болезни, продолжает господствовать безраздельно.

Неурожай, засуха, падеж скота, также заставляют население обращаться за помощью к представителям религиозного культа с верой в то, что последние молитвой могут отстранить, уничтожить и прекратить эти бедствия. Также как и в первом случае, советизация аула и внедрение агрономии постепенно отодвигают на задний план ишана и муллу. Однако, этот процесс еще далеко не разрешен.

Конфессиональная школа в царское время была единственным местом, где можно было обучиться грамоте и, постольку поскольку царское правительство, не было заинтересовано в распространении в ауле народного просвещения, эта конфессиональная школа продолжала непрерывно расти, давая духовенству огромный козырь в руки. Некоторые данные, характеризующие состояние и рост старометодной школы в это время, позволят нам это уяснить. Так, в 1899 году по данным, далеко, конечно, неполным, бывшего начальника Закаспийской области, в пределах бывших Асхабадского и Мервекого округов, существовало 184 мектеба с 2.237 учащимися и 31 медресе, точная цифра учащихся в которых полностью не была выяснена, но несомненно доходила до 1.000. Если взять быв. Асхабадский уезд, представлявший собой район, больше всего подвергавшийся воздействию царской политики, мы увидим следующее: до прихода русских здесь существовало 5 медресе: в аулах Аннау, Кеши, Багир, Эрик-Кала и Дурун. За время, существования царского правительства до 1910 года количество этих медресе увеличилось вдвое, путем открытия 5 новых — в аулах: Корджо, Безмеин, Геок-Тепе, Казанджик и Караган. Значительно выросло за этот период также количество ниспих школ, о которых, однако, не имеется сколько-нибудь исчерпывающих сведений. Таким образом, в одном бывшем Асхабадском уезде и всего на пространстве 120 верст от станции Анау до станции Бахарден, вдоль линии железной дороги, существовало 10 конфессиональных учебных заведений высшего типа; количество особенно большое, если принять во внимание незначительную густоту населения.

Никаких препятствий развитию конфессиональных школ царское правительство фактически не ставило, будучи заинтересованным не в распространении народного образования, а в сохранении народного невежества. Медресе открывались без всякого спроса и разрешения и царское правительство заботилось только о том, чтобы оградить население от влияния бухарских и хивинских мулл, которых боялись, как распространителей религиозного фанатизма и ненависти к чужеземцам. Наша политика, направленная к распространению народного образования в ауле и культурный поход в аул, несомненно внесли в это положение значительное изменение. Однако, конфессиональная школа еще до сих пор продолжает играть в ауле существенную роль. Об этом свидетельствуют следующие цифры,

конечно далеко не исчерпывающие и преуменьшающие степень распространения старометодных школ в ТССР.

Наименование районов	Тип школы		Количество От 8 до 14 л.	Учащихся От 14 и бол.
	Мед- ресе	Мек- теб		
Бахарден	4	12	216	113
Безмеин	1	11	200	20
Атрекский район . . .	2	9	104	41
Геок-Тепе	1	3	62	30
Тахта-Базар	3	6	119	37
Тедженский район . .	—	2	30	—
Мервский район . . .	—	1	12	—
Чарджуйский район . .	—	13	251	—
Ташаузский район . . .	1	28	202	30
Керкинский район . . .	—	57	1.184	—
И Т О Г О	12	147	2.380	271

Если при этом принять во внимание, что коренное население школьного возраста охвачено сов. школами в ТССР на 3,07% и то, что в Керкинском и Ташаузском округах этот процент снижается до 0,9% (Керки) и 0,35% (Ташауз) тогда станет ясным, насколько еще велико влияние конфессиональной школы в настоящее время. Спорные вопросы туркменское духовенство разрешает в пределах, предусмотренного шариатом имущественного, семейного и уголовного права, отходя от норм шириата лишь в тех случаях, когда последние деформировались под влиянием обычного права, в тех рамках, о которых мы уже говорили выше. В имущественном праве главную роль играют вопросы наследования.

Шариат в вопросах наследования устанавливает довольно сложную систему, основные и юридические положения которой сводятся к следующему: 1) ближайший родственник устраняет дальнейшего, 2) лицу мужского пола следует две части женских. 3) родители умершего при его детях получают одну шестую часть, 4) мать без детей, братьев или сестер умершего сына, получает одну треть и 5) одна дочь или сестра получает половину, две и более, в зависимости от наличия других наследников.

В связи с разделом наследства, в туркменских семьях часто возникают споры, которые не могут быть разрешены в кругу данной семьи и во всех этих случаях, население обращается к духовенству. Семейное право, охватывающее главным образом браки, разводы и опеку, бывает источником споров, прежде всего в двух последних вопросах. Кровавая вражда между отдельными лицами и даже целыми родами также аннулируется духовенством, примиряющим враждующие стороны. Таким образом, в области разрешения споров, духовенству предоставлено широкое поле деятельности, усиливающее его влияние и авторитет среди населения. Конечно, наибольшей силы такое влияние достигало там, где существовал казийский суд (Керки,

Ташауз, Чарджуй). Однако и в Закаспийской области казийского суда не существовало, фактически, уже в царское время; присвоение судебных функций отдельным лицам, естественно повышало их удельный вес в общественной жизни аула.

Политика царского правительства в пределах бывшей Закаспийской области по этому вопросу свелась к изъятию судебных дел из ведения казиев и оставлению судейских функций в руках отдельных лиц. То или иное спорное дело, уголовное, либо гражданское, возникшее в ауле, шло в царский суд только в тех случаях, когда духовенство и родовые аксакалы не могли его разрешить на месте. В тех же округах, которые входили в состав Хивы и Бухары — положение оказалось прямо противоположным, ибо хивинский хан и бухарский эмир вели, в противоположность царскому правительству, политику насаждения и укрепления авторитета казийского суда. В результате, после организации республики нам пришлось столкнуться с различным, в этом отношении, положением в пределах бывшей Закаспийской области, где казийского суда не существовало и в Ташаузском, Керкинском и Чарджуйском округах, где насчитывалось несколько десятков казийских судов.

Нашим важнейшим достижением является то, что на протяжении каких-нибудь полутора лет, без применения репрессий, нам удалось ликвидировать в этих округах казийский суд. Однако, такая быстрая ликвидация могла произойти лишь в силу того, что суд казиев мало внедрился в сознание туркменских масс и являлся формой, принесенной в пределы Туркменистана бухарским и хивинским влиянием. Таким образом, теперь, как мы уже говорили, в отношении судейских функций духовенства имеется более или менее однообразное положение во всей республике. Спорные дела разрешаются не специальным духовным судом, а отдельными представителями религиозного культа. Вместе с тем, это не означает, что влияние духовенства сделалось хоть сколько-нибудь равномерным по всей республике. Влияние Бухары и Хивы сказывается еще и до сих пор тем, что в Чарджуйском, Керкинском и Ташаузском округах к духовенству обращаются чаще и его влияние в общественной жизни аула там сказывается сильнее в силу слабой советизации этих районов.

Поскольку представители религиозного культа являются, как мы видели, своеобразным „духовными“ врачами, агрономами, учителями и судьями, постольку их влияние зависит от удельного веса в том или ином районе либо ауле советского врача, учителя, судьи и агронома. Чем меньше степень советизации района, чем меньше мы проникли туда, тем больше влияние духовенства. Там же, где к слабой советизации района присовокупляются остатки влияния Хивы, Бухары, феодальных и родовых вождей, влияние духовенства естественно является еще более значительным (Ташауз, Керки, Чарджуй, Атрек, скотоводческие районы).

Динамика развития влияния духовенства в пределах нынешнего Туркменистана, как мы видим, до прихода советской власти и организации республики, слагалась под влиянием двух причин: 1) политики царского правительства, 2) религиозного влияния Хивы и Бухары. Считая, что шариат и мусульманская религия в пределах быв. Закаспийской области не имела широкой почвы и распространения, царские чиновники стремились только оградить область от влияния бухарских и хивинских мулл, высылая их за ее пределы, не разре-

шая проживать без специальных документов и т. д. и ведя во всем остальном политику приспособленчества к духовенству.

Бухарский же эмир и Хивинский хан всячески насаждали религиозность, увеличивали количество школ, создали и укрепили казийский суд. Благодаря этому влияние духовенства все время увеличивалось. Революция, этот процесс прервала, Бухара и Хива, как религиозные центры, испытали процесс серьезного и все продолжающегося падения. Все наши экономические мероприятия и все советское строительство в ауле все больше подрывает влияние духовенства. Если до революции влияние духовенства росло, теперь оно бесспорно падает, однако, если принять во внимание все те общественные функции духовенства, о которых мы говорили выше и то, что, несмотря на религиозную пассивность туркмен в ауле, большую роль играют обряды, связанные с браком, рождением и смертью, станет ясным, что силы духовенства и его влияние еще очень велики.

Экономическое положение духовенства.

Духовенство в ауле, благодаря своему влиянию, представляет собой чрезвычайно зажиточный слой, по существу совпадающий с байской верхушкой дехканства.

Основными источниками дохода для духовенства являются вакуфные земли, земли силах-су (дарственные), наделы, принадлежащие непосредственно духовенству, зякет, ушур, деньги, получаемые за выполнение обрядов, право обучения в мектеб и медресе и деньги, взимаемые за выдачу талисманов. Широкое распространение вакуфы получили только в пределах Чарджуйского и Керкинского округов, хотя и в некоторых аулах и районах бывшей Закаспийской области также отмечаются случаи выделения земельно-водных наделов на содержание мечетей, кладбищ и школ. Вопрос с вакуфами в настоящее время остается недостаточно выясненным. Хотя формально, согласно существующих законоположений, вакуфы должны были быть отчуждены, на деле это отчуждение не всегда проведено в жизнь и доходами с них продолжает бесконтрольно пользоваться духовенство. Такие случаи отмечены на территории всей республики, но насколько они распространены сейчас еще сказать не представляется возможным.

Дарственные земли (силах-су), подлежавшие отчуждению в порядке земельно-водной реформы, также далеко не были отчуждены повсеместно и духовенство в целом ряде случаев в скрытой форме продолжает ими пользоваться. Наделы, принадлежащие непосредственно духовенству, приблизительно в размерах от 10 до 60 тананов, не были вовсе затронуты в тех округах, где земельно-водная реформа не была проведена и при помощи всяческих ухищрений, в той или иной форме сохранились иногда и в районах, где ЗВР была.

Помимо земледелия, источником дохода для духовенства является скотоводство, так, как почти каждый ишан или ахун имеет своих баранов, верблюдов и коров. В зависимости от степени экономического благосостояния того или иного лица, эти стада колеблются от 25 до 1.000 голов. Зякет взимается повсеместно, но не везде в одинаковых размерах. Случаи отказа от уплаты зякета в последнее время бывают, но не носят массовых размеров и распространены, главным образом, в пригородных, наиболее советизированных аулах бывшей Закаспийской области, где влияние духовенства менее сильно.

Вообще же сумма получаемого зякета зависит от влияния тех или иных духовных лиц и наиболее авторитетные из них, при отказе платить зякет, даже налагают запреты на урожай. Сбор ушура в тех или иных районах также фактически зависит от влияния того или иного духовного лица, хотя обычной нормой и является 0,1 часть урожая.

За совершение браков, разводов и обрядов, связанных с рождением и смертью, духовные лица, в зависимости от благосостояния своих клиентов, взимают от 3 до 10 рублей. За обучение в мектеб и медресе с одного учащегося взимается в среднем 20 р. в год. Плата за талисманы колеблется в очень больших размерах, примерно от 15 коп. до 3 руб., в зависимости от серьезности болезни и материального благосостояния больного. Ишан, со средним авторитетом и влиянием в ауле, зарабатывает на талисманах приблизительно 300—400 руб. в год.

Бюджет зажиточного духовенства, при наиболее незначительном доходе от земледелия и скотоводства, составляет примерно 2.000 руб. в год, а в тех случаях, когда наделы земли велики и имеется много скота, бюджет значительно вырастает, превращая отдельных духовных лиц в крупнейших баев, сдающих свои наделы на началах кабальной аренды.

З а к л ю ч е н и е.

Все эти беглые заметки, с достаточной отчетливостью показывают, с какой серьезной реакционной силой в ауле приходится нам иметь дело в лице туркменского духовенства.

Самый серьезный союзник байства—духовенство, как по своему экономическому положению, так и по характеру своего влияния, враждебно советской власти. Эта враждебность тем более актуальна, тем более сильна, что ее основой являются не религиозные идеи, а самые насущные земные интересы.

Насаждая в ауле школы, мы ударяем по духовенству. Строя лечебные заведения, мы опустошаем карманы духовных лиц и т. д. и т. д. Отсюда и наши дальнейшие задачи. Вся сила религиозного дурмана в Туркмении только в исключительной культурной отсталости населения, чуждого тому религиозному фанатизму, который так мешает разоблачать духовенство и игнорировать его. Чем больше будет развиваться наша культурная работа, тем скорее туркменский народ окончательно освободится от сетей религии.

